

- СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР.
- 47 См.: *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 192.
- 48 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. (Из рассекреченных архивов МИД РФ) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>
- 49 Розенберг Марсель Израилевич (1896–1939). На дипломатической работе с 1918 г. С 1920 г. секретарь наркома иностранных дел Чичерина. С 1921 г. 1-й секретарь советского полпредства в Афганистане и других странах.
- 50 Цит. по: *Соколов В. Г.В.* Чичерин и НКВД // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 51 Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938). На дипломатической работе с 1921 г. В 1922–1923 гг. советник полпредства РСФСР в Персии, в 1923–1925 гг. полпред и торгпред СССР в Персии.
- 52 Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938). В 1922–1929 гг. заместитель наркома внешней торговли РСФСР (СССР).
- 53 Голдберг Б.И. (1884–1946). В 1923–1924 гг. уполномоченный Реввоенсовета при Наркомвнешторге.
- 54 Микоян Анастас Иванович (1895–1978). В 1926–1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли СССР.
- 55 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 56 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 285.
- 57 Красин Леонид Борисович (1870–1926). На дипломатической работе с 1918 г. В 1923 г. стал первым в истории СССР наркомом внешней торговли. Одновременно был полпредом во Франции (с 1924) и Великобритании (с 1925).
- 58 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 300.
- 59 Там же. Л. 40.
- 60 Там же. Л. 41–42.
- 61 Там же. Д. 1776. Л. 61.
- 62 Там же. Д. 1830. Л. 83.
- 63 Старк Леонид Николаевич (1889–1937). На дипломатической работе с 1920 г. В 1924–1936 гг. полпред СССР в Афганистане.
- 64 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1776. Л. 144–145.
- 65 Сокольников (Бриллиант) Григорий (Гирш) Яковлевич (Янкелевич) (1888–1939). В 1922–1926 нарком финансов СССР.
- 66 См.: *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 105.
- 67 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 7. Л. 66.
- 68 Там же. Л. 53.
- 69 Там же. Л. 2.
- 70 Последняя служебная записка Г.В. Чичерина.
- 71 Аралов Семен Иванович (1880–1969). На дипломатической работе с 1920 г. В 1921–1923 гг. полпред РСФСР в Турции. В 1925–1927 гг. член коллегии НКВД СССР.
- 72 РГАСПИ. Ф. 234. Оп. 2. Д. 84. Л. 60–61.
- 73 Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925). В августе 1919 – сентябре 1920 гг. командующий Туркестанским фронтом.
- 74 Цит. по: *Печатнов В.* Переписка Г.В. Чичерина с Л. Фишером. (Из архива Йельского университета) // Неизвестный Чичерин: Информ. бюл. ИДД МИД РФ, 1999. <http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/iddvidbul>.
- 75 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 102–103.
- 76 Там же. Л. 103.
- 77 Имеется в виду XIV съезд Советов, прошедший 10–18 мая 1929 г. в Москве.
- 78 Там же. Л. 108.
- 79 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...
- 80 Цит. по: *Соколов В.* Неизвестный Г.В. Чичерин...

УДК [94:327] (430:47+57) «1918/1933»+929

Ф. ЭБЕРТ И П. ФОН ГИНДЕНБУРГ – ДВА ПРЕЗИДЕНТА, ДВЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

А.В. Лучников

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: aluchnikov@mail.ru

В статье исследуется как президенты Веймарской республики Фридрих Эберт и Пауль фон Гинденбург создавали внешнеполитические прогнозы и планы по отношению к Советской России в 1920-е гг., разнообразие их взглядов, а также фокусируется внимание на восприятии немцами СССР и советского руководства, стереотипы и образы, существующие относительно немецкой политики.

Ключевые слова: Веймарская республика, концептуальная модель, внешнеполитические рычаги управления, германо-советские дипломатические отношения, Лига Наций, рейхсканцлер.

F. Ebert and P. von Hindenburg – two Presidents, two Strategy of Foreign Policy

A.V. Luchnikov

The article examines how Presidents of Weimar Republic F. Ebert and P. von Hindenburg created forecasts and planes towards Soviet Russia in 1920s, diversity of their opinions also focuses on German perception of the soviet elite, stereotypes and images that affects German policy.

Key words: Weimar republic, conceptual model, foreign policy controls, german-soviet diplomatic relations, The League of Nations, reich chancellor.

История международных взаимоотношений, в частности, советско-германских контактов 1920-х гг., изобилует моментами, когда выбор возможного пути определялся не столько прагматическими мотивами, сколько внутренними убеждениями тех персоналий, которые такую политику проводили. С этой точки зрения крайне интересна ситуация в Веймарской республике, когда в силу особенностей веймарской конституции не только дипломаты, но и другие представители исполнительной власти могли влиять на внешнеполитический курс государства. Проблема же взаимоотношений с Советским государством волновала многих, в том числе и президентов республики. Президентские внешнеполитические концепции, шаги по их реализации оказали значительное влияние на советско-германские взаимоотношения, но, как ни странно, чрезвычайно редко становились предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых.

7 февраля 1919 г. Национальное собрание в Веймаре избрало Фридриха Эберта (Социал-демократическая партия Германии – далее СДПГ) 277 голосами против 101 президентом Германской республики, обещавшим во вступительной речи «представлять интересы всего народа, а не отдельной партии»¹. Тем не менее, очевидно, что Ф. Эберт очень многое в собственных воззрениях на внешнюю политику Веймарской республики перенял из внешнеполитической концепции СДПГ.

Социал-демократия развила в своей доктрине альтернативу традиционной имперской внешней политике – политике XIX в., догматически базировавшейся на натиске суверенного национального государства по всем направлениям. Ф. Эберт, ставший одним из лидеров социал-демократического движения еще в конце XIX в., был идеологом СДПГ в том числе и по вопросам внешней политики².

Общий вектор социал-демократической внешней концепции был ориентирован на Запад, что имело далеко идущие внутривнутриполитические последствия: после проигранной войны различные консервативные силы в республике были одинаково настроены как против Версаля и Запада, так и против любых прозападных политиков внутри страны, против социал-демократии и в конечном счете против республики.

Немецкая внешняя политика была для СДПГ, с одной стороны, важным фактором, который обуславливал рамочные условия для существования и развития республики в социал-демократическом смысле, а с другой – политическим полем, которое было открыто для влияния и преобразования посредством социал-демократии³. И президент в такой политике играл важную роль. Хотя он позиционировал себя как непартийного политика, тем не менее, являлся институциональным гарантом

для реализации тех внешнеполитических начинаний, которые основывались на сглаживании противоречий с державами-победительницами.

Помимо этого Ф. Эберт участвовал в назначении социал-демократов на дипломатическую службу, где они имели возможность вести политику в духе партийных установок. Яркий пример – социал-демократ Ульрих Раушер, посланник в Польше, возможность назначения которого послом в Москве после смерти У. Брокдорфа-Ранцау советская сторона категорически отклонила из-за его связи с социал-демократией и не в последнюю очередь с Ф. Эбертом, к тому времени тоже умершим, опасаясь, что У. Раушер мог воспринять идеи первого президента.

Безусловно, Ф. Эберт не просто использовал те возможности вмешательства во внешнюю политику, которые ему предоставляла Конституция, он сам создавал или находил эти возможности даже там, где они не закладывались намеренно ее творцами. При этом Ф. Эберт всегда прибегал к своему авторитету, статусу политического «отца наций», которым он действительно обладал.

Ф. Эберт участвовал в заседаниях кабинета министров, во многом определяя их характер, его мнение часто становилось решающим.

В. Ратенау в феврале 1920 г., с изрядной долей насмешки описав министерское заседание, уделил место и президенту: «Я так представляю себе обычное заседание кабинета: В красивом зале стоит длинный стол. Во главе сидит Эберт, умный, добрый; не как президент, скорее как внимательный человек и руководитель партии влияния»⁴.

В то же время Ф. Эберт гораздо меньше, чем второй президент Веймарской республики, вмешивался во внешнюю политику. Во многом это определялось и тем, что Эберт так и не смог создать самостоятельную сбалансированную полифакторную концепцию внешней политики, руководствуясь при вмешательстве во внешнюю политику обычно рядом императивов, как характерных для всей германской социал-демократии, так и, довольно редко, собственных.

Основным тезисом Ф. Эберта при планировании отношений с Советским государством было признание острой и непреходящей опасности большевизации Германии через разрушительную деятельность Компартии Германии (КПГ), стимулируемую из Москвы. Острое неприятие большевизма, страх перед деятельностью III Интернационала были у президента не меньшими, чем, например, у Э. Людендорфа или М. Хоффмана, но мотивировались несколько в ином ключе.

Ф. Эберт как лидер рабочей партии понимал, что и среди германского пролетариата у большевизма есть серьезные шансы укрепиться. Его страх перед мировой революцией был более предметным и осознанным. Как и большевики, Ф. Эберт видел, что нужно делать, чтобы спровоцировать революцию, поэтому стремился устранить эти факторы.

В декабре 1918 г. Ф. Эберт сформулировал это так: «Пусть немецкие рабочие посмотрят на Россию и убедятся! Высокоразвитая экономическая жизнь Германии не может долго быть управляемой с помощью автоматов и браунингов. Мы хотим создать прочное, здоровое изнутри производство, которое сделает возможным уверенное развитие экономики и сильную жизнь народа»⁵.

Необходимо отметить, что Ф. Эберт видел в отношениях с Советской Россией мало хорошего, и никакие предполагаемые дивиденды не могли для него компенсировать тот пропагандистский яд, который выпрыскивался в организм немецкой нации Коммунистическим Интернационалом, разрушая ее.

Весной 1921 г. в дебатах по поводу заключения договора с Советской Россией Ф. Эберт занимал категорически отрицательную позицию⁶. Договор был все-таки подписан 6 мая 1921 г., но мнение президента оказывало дестабилизирующее влияние на ведение переговоров, так как отождествлялось советской стороной с основным мнением германского руководства.

Большевики утверждали (в общем справедливо), что мнение А. фон Мальцана, Х. фон Секта и других сторонников активизации отношений с Советской Россией является каплей в море негативного восприятия таких контактов германской политической элитой.

Не препятствуя заключению Рапалльского договора (события складывались таким образом, что воспрепятствовать переговорам было невозможно, это означало лишь потерю авторитета), Ф. Эберт стремился придать ему формы обыкновенного политического соглашения, но никак не «общности судеб». Президент был категорически против секретного военно-технического сотрудничества, которое в основном проходило вовсе без его ведома и за его спиной⁷. В силу этого Ф. Эберт поддержал при назначении на пост посла кандидатуру У. фон Брокдорфа-Ранцау, известного категорическим неприятием контактов между рейхсвером и Рабочее-крестьянской Красной армией (РККА), а также своим настороженным отношением к Советской России и большевикам – тогда Ранцау ничем не напоминал того «красного графа», каким стал впоследствии. При этом отношения Ф. Эберта с идеологом военно-технической кооперации Х. фон Сектом были дружескими⁸.

Ф. Эберт вплоть до своей смерти не видел положительных моментов в германо-советском взаимодействии, негативно воздействуя на процесс взаимоотношений двух государств. Однако то, что президент в общем не так много, как его преемник, директивно влиял на внешнюю политику, представляя ее компетентным органам, в первую очередь МИД, позволило германо-советским связям расширяться и при Ф. Эберте.

Пауль фон Гинденбург, фельдмаршал и один из героев Первой мировой войны, являлся носителем славы немецкого оружия – предмета

ностальгии для очень многих, без примеси подозрений в измене, в участии в «ноябрьском ударе в спину» или «версальской комедии». При этом его номинация кандидатом от правых консервативных сил стала неожиданностью. Многие указывали на то, что находящийся в преклонном возрасте (77 лет) фельдмаршал имел недостаточный политический опыт⁹.

Историографическая дискуссия о том, что же сыграло главную роль при выдвижении кандидатуры Гинденбурга и его победе, еще не окончена. Для англоязычной историографии характерен акцент на монархические взгляды П. фон Гинденбурга, чья победа стала следствием ностальгии населения по «черно-бело-красной» эпохе¹⁰. Широкие аналогии проводятся между националистическими программами Гинденбурга и Гитлера, преимущественно рассматривается фельдмаршала¹¹. Немецкая историография большее внимание уделяет внешнеполитической составляющей, ревизионистским идеям Гинденбурга¹². В то же время это деление носит крайне условный характер. Все авторы усматривают скорее целый консервативный идейный комплекс, все модулы которого концептуально связаны.

Очевидно, что причиной победы в целом стала реакция на довольно неудачные попытки социал-демократических сил вывести страну из внутри- и внешнеполитической ямы. На выборах, где участвовало 77,6% от общего числа избирателей (30 339 997 голосов), П. фон Гинденбург с 14 655 766 (48,3%) голосами против 13 752 640 (45,3%) голосов от кандидата «Народного блока» В. Маркса (партия Центра) и 1 931 501 (6,4%) голосов коммуниста Э. Тельмана одержал победу¹³.

Уже 11 апреля 1925 г., сразу после выборов, в так называемом «Пасхальном послании» к немецкому народу П. фон Гинденбург, ни слова, впрочем, не говоря о внешней политике, распространялся о «достоинстве немцев», «возрождении отечества»¹⁴. Как и у многих других политиков Веймарской республики, в целенаправлении президента всегда присутствовал примат внешней политики.

Новый президент прикладывал большие усилия для того, чтобы влиять на формирование внешнеполитических стратегий, используя для этого различные средства, в том числе и методы «неофициальной», закулисной, кулуарной политики. Харальд Цаун назвал стиль выработки дипломатической линии при Гинденбурге «внешней политикой через садовую калитку»¹⁵. Президентский дворец, расположенный по адресу: Вильгельмштрассе, 73, через сад сообщался с министерским комплексом и рейхсканцелярией на Вильгельмштрассе, 76. Гинденбург довольно часто приглашал нужных ему министров, дипломатов, военных из министерского комплекса в свой рабочий кабинет с черного хода, в обход официального протокола и без участия госсекретаря О. Майсснера, или же на прогулку по парку,

позиционируя данное обстоятельство как честь для приглашенного.

Значение этого факта не стоит переоценивать, но нельзя и оставлять без внимания.

Использовал П. фон Гинденбург и все предоставляемые ему Конституцией возможности, значительно расширив и наполнив их содержание по сравнению с Ф. Эбертом. Б. Зендлер вообще полагает, что влияние президента на формирование основных направлений не только внешней, но и внутренней политики начиная с третьего кабинета В. Маркса, то есть с 17 мая 1926 г. и вплоть до кабинета К. фон Шляхера, было успешным и сильным¹⁶.

Внешнеполитические представления П. фон Гинденбурга довольно запутаны, и если основные «болевые точки» Веймарской республики неоднократно и ясно указывались президентом, то этого нельзя сказать о планах по их устранению. Президент, понимая, что его мнение может оказать решающее влияние, избегал высказывать его открыто не только перед СМИ или народом, но даже во время заседаний кабинета министров, а зачастую и при беседах тет-а-тет, делая исключение для узкого круга (в который входил и посол Германии в Москве У. фон Брокдорф-Ранцау).

Еще перед своим избранием, в качестве кандидата, на пресс-конференции П. фон Гинденбург, по свидетельству его помощника полковника фон Кюгельгена, так ответил иностранным журналистам: «Вы ждете от меня чего-то о моих внешнеполитических планах, но я не скажу ничего, так как я еще не президент. И вообще, внешняя политика по Конституции лежит на ответственности канцлера. Который еще не находится в моем распоряжении»¹⁷. В дальнейшем ситуация мало изменилась.

Краеугольным камнем внешнеполитического концепта П. фон Гинденбурга, как и подавляющего большинства других политиков Веймарской республики, была ревизия Версальского договора. «Злосчастный Версальский диктат»¹⁸ и задача его устранения были основной причиной, почему президент сравнительно мало внимания уделял другим векторам, например, экономическим контактам.

Г. Цаун усматривает относительную переориентацию президента на то, чтобы рассматривать внешнюю политику в свете мирового экономического развития и условий, произошедшую под влиянием канцлера Брюнинга. Однако это было скорее спорадическим явлением в обстановке мирового хозяйственного кризиса, в остальном же П. фон Гинденбург сознательно игнорировал данный фактор¹⁹.

П. фон Гинденбург поддерживал чрезвычайно интенсивный контакт с МИД. Он замечал, что «при большом значении, которое имеет руководящая роль МИД для нашей общей политики, я придаю особую ценность хорошей и своевременной информации из этого ведомства...»²⁰. Несмотря

на то, что президент в целом позволял Г. Штреземану распоряжаться внутренней политикой своего ведомства и назначать на консульские и посольские должности самостоятельно, о любом мало-мальски важном назначении необходимо было уведомить П. фон Гинденбурга заранее²¹.

Особенное внимание президент уделял контакту с представителями Веймарской республики за рубежом. Каждый немецкий дипломат, который по каким-либо причинам оказывался в Берлине, должен был искать встречи с П. фон Гинденбургом²².

Особенно продуктивными и насыщенными были беседы о советско-германских взаимоотношениях между П. фон Гинденбургом и У. Брокдорфом-Ранцау.

Впрочем, здесь желание было обоюдным. У. Брокдорф-Ранцау с не меньшей охотой использовал прямой контакт с президентом для реализации своих внешнеполитических идей, чем сам П. фон Гинденбург, чтобы иметь исчерпывающие данные о советском внешнеполитическом направлении²³.

«Версальский диктат», по П. фон Гинденбургу, имел несколько узловых точек. Главным, пожалуй, для фельдмаршала были не политические или финансовые ограничения, их он полагал лишь следствием, а статья 231 Версальского договора, возлагавшая на Германию вину за развязывание Первой мировой войны. Современники отмечали, что П. фон Гинденбург буквально приходил в бешенство и не мог держать себя в руках, когда речь шла о «виновности» немцев. По мнению президента, это была ложь, которая предоставила союзникам моральное право и обоснование для дальнейших шагов по установлению политического бесправия Германии на международной арене и ее экономического закабаления²⁴.

Для П. фон Гинденбурга как политика и внешнеполитического идеолога характерно употребление факторов различного характера, как морально-этического, так и политико-экономического. Из послевоенных событий в Германии фельдмаршал вынес стойкое убеждение, что слова и лозунги, апеллирующие к чувствам, оперирующие глобальными категориями и простейшими политическими абстракциями, к тому, что К. Юнг назвал «архетипами», имеют реальную силу. Революционные события осени – зимы 1918–1919 гг., по мнению П. фон Гинденбурга, не случились бы без умелой игры тех сил, которые были заинтересованы в крушении империи, на иррациональных настроениях толпы²⁵. При этом в «Пасхальном послании» Гинденбург счел необходимым заострить внимание на недопустимости какого-либо внутреннего сопротивления, затрагивающего единство нации. В то же время было бы ошибкой утверждать, что президент ясно осознавал это свое внутреннее убеждение, которое многократно, но отрывочно проявлялось в его высказываниях, тем более не-

верно говорить о сознательном использовании его при концептуализации внешнеполитических идей. Единственное следствие использования этого иррационального фактора П. фон Гинденбург видел в том, что он как президент является представителем *общей воли нации*, дающей ему право вмешиваться в деятельность канцлера и МИД.

В отличие от многих других веймарских политиков, имевших за плечами кадровую службу в армии, П. фон Гинденбург не был сторонником риска во внешней политике, чрезвычайно редко стремился к тому, чтобы взорвать ситуацию, ускорить ее развитие. Президент так выразил свое кредо на заседании министров в ноябре 1925 г.: «Наш подъем должен быть медленным; махом взобраться высоко нельзя; мы должны сперва кропотливо установить лестницу»²⁶.

Для П. фон Гинденбурга характерно восприятие Версальского договора в том духе, что он представляет собой прочные путы, сеть, а Германия является чем-то вроде рыбы, которая еще больше запутается, если будет беспорядочно биться²⁷. Гинденбург неоднократно заявлял, что медленный путь – наиболее верный путь²⁸.

Президент выстраивал собственную ступенчатую стратегию, последовательная реализация которой, по его мнению, должна была привести к ревизии договора. В первую очередь необходимо было достижение экономического равновесия и актуального, живого (а не продиктованного измышлениями французских ненавистников Германии) торгового баланса в отношениях с Европой, а также правового уравнивания, что становилось возможным только с устранением статьи 231. Следующим шагом должно было стать и установление военно-политического суверенитета государства, а значит, и доведение оборонного потенциала до адекватного состояния. Почва для данного шага должна была подготавливаться заранее, в том числе и через военно-техническую кооперацию. По мысли П. фон Гинденбурга, нелегальность и нелегитимность этого вида деятельности установлена только Версальским договором, который сам нелегитимен. Более того, он является квазидоговором, в ходе которого слабейшей стороне были навязаны определенные условия. Следовательно, как только нелегитимность Версальского договора будет признана, произойдет и легализация *post factum* запрещаемых им видов деятельности.

Внешне П. фон Гинденбург всегда демонстрировал поддержку внешнеполитической стратегии Г. Штреземана²⁹. В то же время его взгляды часто были оппозиционны идеям министра, во всяком случае президент обнаруживал гораздо меньшее доверие словам западноевропейских политиков, не разделял он и мнения, что великие державы будут вынуждены заново принять Германию в свой концерт из соображений экономической необходимости. Ничто не могло помешать им продолжать использовать Веймарскую республику в качестве

дойной коровы и оставлять ее в положении объекта, а не субъекта международной политики. Германия, по мнению президента, должна была сама добиваться дипломатическими методами вывода союзнических сил из Рейнской области и прекращения деятельности Межсоюзнической контрольной комиссии³⁰. В речи на праздновании своего восьмидесятилетия в октябре 1927 г. П. фон Гинденбург назвал освобождение рейнских земель от союзнических войск «благороднейшей задачей немецкой политики»³¹.

П. фон Гинденбург сформировал особую «локальную»³² картину мира. Для прусских военных и для П. фон Гинденбурга, как яркого представителя этого социального слоя, было характерно практически полное отсутствие каких-либо контактов с заграницей и иностранцами. И во время исполнения своих президентских полномочий П. фон Гинденбург не совершил ни одного выезда за рубеж. Его представления о других нациях и странах формировались исключительно на опыте мировой войны и были соответствующим образом окрашены. При этом президент был не слишком склонен к рефлексии, принимая свои статичные, раз навсегда приобретенные убеждения и ригидное восприятие внешнеполитических контрагентов как должное. Как указывает В. Хубач, «ему вообще было не свойственно анализировать чужие народы»³³. Не слишком был склонен фельдмаршал и к углублению своих знаний об иностранцах посредством чтения специальной литературы, если она не несла специфической военной смысловой нагрузки³⁴. Теодор Хойсс характеризовал Гинденбурга как абсолютно «иллитературную» личность³⁵.

Одним из следствий этой особенности мировоззрения президента было наличие ровного отношения к России и русским (в широком смысле, как гражданам государства в Евразии, безразлично от названия и политического устройства).

Восприятие России у П. фон Гинденбурга нельзя назвать позитивным. Те впечатления, которые фельдмаршал вынес из опыта мировой войны, когда Россия и Германия были врагами, в значительной степени сохранились и на веймарской стадии. В период войны П. фон Гинденбург был потрясен масштабами российских пространств и количеством народонаселения, как военно-стратегическим фактором³⁶. «Неуклюжий русский колосс как кошмар тягостел над всем европейским и азиатским миром», – писал генерал-фельдмаршал в воспоминаниях³⁷. В то же время П. фон Гинденбург не обнаруживал обычного для пруссаков высокомерного и презрительного отношения к славянству и русским, которого не избежали и умнейшие немцы, к примеру, Гегель. «Я никогда не недооценивал русских, – подчеркивал он, – на мой взгляд, неверно усматривать в России только деспотизм и рабство, беспомощность, тупоумие... Мощь и высоконравственная сила там тоже работали, правда, только в некото-

рых кругах. Патриотизм, самостоятельная воля, работоспособность не обязательно были чужды и армии...»³⁸.

В отношении П. фон Гинденбурга к Российской империи и Советскому Союзу не было того разрыва, который был характерен для немецкой социал-демократии. Восприятие не было идеалистическим, но оно давало возможность для какой-то совместной деятельности. Раньше русские были врагами, теперь они стали союзниками, или, скорее, попутчиками в процессе ревизии Версальского договора, и внешнеполитический концепт П. фон Гинденбурга не слишком омрачался иррациональным страхом перед угрозой распространения большевизма и мировой революции как, к примеру, у Ф. Эберта.

И если в 1919 г. фельдмаршал еще использовал страх перед большевизмом, оглашая свое воззвание о защите Восточной марки³⁹, то на момент своего избрания президентом П. фон Гинденбург относился к угрозе большевизации Германии как к политическому мифу, методу воздействия на толпу, не считая опасность реальной.

Как и другие, более просоветски настроенные политики, П. фон Гинденбург видел в интенсификации билатеральных отношений с Советским Союзом возможное средство давления на Запад, где Рапальский договор являлся в известном смысле перестраховочным договором⁴⁰. Однако стабильные и благоприятные германо-советские отношения представляли для президента и самостоятельную ценность. Он мотивировал ее как с помощью традиционных доводов в пользу значимости хозяйственных и торговых связей с Советским Союзом, лишь частично и опосредованно интегрированным в мировую экономику, а потому не являющимся вольным или невольным эксплуататором Германии, как другие европейские страны. Привносил президент и антипольскую составляющую, особенно характерную для рейхсверовских концептов. Имелись в концепции и неожиданные «авторские» штрихи. К примеру, президент развивал мысль, что с помощью интенсификации германо-советских взаимоотношений Веймарская республика сама некоторым образом «осоветится», утратит в восприятии великих держав образ родственного остальной Европе субъекта, а значит «трижды предателя». Восприятие Германии как чуждой Европе, по мысли Гинденбурга, позволит дезавуировать пресловутый вопрос о «виновнике войны» и известным образом смягчить внешнеполитический климат. Более того, на этой основе возможно было бы построение новых форм межгосударственных взаимоотношений. П. фон Гинденбург считал эти положения частично внушенными ему У. Брокдорфом-Ранцау, хотя сам граф таких мыслей никогда не высказывал⁴¹.

Впервые П. фон Гинденбург отчетливо проявил свою позицию по отношению к внешней политике во время дискуссии вокруг локарнских

соглашений в октябре – ноябре 1925 года. В это же время президент имел долгий разговор с наркоминделом Г.В. Чичериним, совершившим визит в Берлин и полпредом СССР в Германии Н.Н. Крестинским. Однако, несмотря на то, что президент, так же как и его советские собеседники, воспринял Локарно негативно, им он этого не показал. Ограничившись ремаркой, что он приложит все возможные усилия, чтобы развивать «дружественные отношения и экономическую кооперацию с Россией», президент не счел нужным прояснить свою позицию⁴². Дело здесь не только в интровертности П. фон Гинденбурга – позволить большевикам знать больше, чем нужно о планах президента и о его просоветских планах значило упустить инициативу, а именно ведущую роль во взаимоотношениях с другими государствами (в том числе и с великими державами – важно было постоянно действовать, пусть и мелкими шагами, но продвигаться по пути ревизии, заставляя Антанту *отвечать* на немецкие инициативы, а не наоборот) Гинденбург отстаивал убежденно.

Источники свидетельствуют, что одним из тех, кто имел влияние на мнение П. фон Гинденбурга, был граф Брокдорф-Ранцау, негативное отношение которого к локарнским договоренностям было общеизвестно⁴³. В ноябре 1925 г. он встречался с президентом, обнаружив сходство во мнении. Президент, воспринявший сперва точку зрения своего министра иностранных дел, что Советский Союз, заинтересованный в тесных отношениях с Германией, не будет оторван от Берлина при любом развитии локарнской политики и благожелательно отнесшийся к итогам конференции, в скором времени перешел на сторону московского посла, полагавшего, что Локарно может послужить причиной «соскакивания» русских с общего пути, намеченного Рапальским договором⁴⁴. Следует, впрочем, заметить, что право обсуждения основ советского направления внешней политики визави с президентом, в обход министра иностранных дел и канцлера, «завоеванное» Брокдорфом-Ранцау еще в 1922 г. и используемое и при новом президенте, не дало ему в этом случае каких-то конкретных преимуществ. Не помогли и связи близнеца-брата Эрнста Ранцау, вхожего в близкое окружение П. фон Гинденбурга и дружного с госсекретарем О. Майсснером⁴⁵. Попытки графа показать, что во время визита он полностью переориентировал президента и П. фон Гинденбург после этого должен был приложить все усилия, чтобы реализовать концепцию посла, не слишком убедительны⁴⁶. Тем не менее, президент в тот же день написал Г. Штреземану, что он «отнюдь не недооценивает опасения посла, что Локарнский пакт отяготит... отношения с Россией»⁴⁷.

Особенное опасение президента вызывала штреземановская цель вступления Веймарской республики в Лигу Наций. Думается, это опасение

основывалось на двух факторах. Первым было недоверие П. фон Гинденбурга к полезности для Германии любого дела, в котором участвует Франция – классическая неприязнь прусского служаки, имевшая корни еще в XIX веке. Но даже довольно негативный образ Франции, сложившийся у П. фон Гинденбурга, уступал его враждебности к Англии. П. фон Гинденбург полагал, что Франция и Германия враги естественные, и вражда эта происходит из их соседства и объясняется геополитически. В то же время образ француза не лишен у П. фон Гинденбурга положительных черт. Фельдмаршал, критикуя «чрезвычайно живой, а потому чересчур переменчивый темперамент французского народа», находил в этом, с другой стороны, и резервы для «достоинства, которое в тяжелые времена особым образом продолжает жить в этом народе, что дает ему... преимущество»⁴⁸.

Представления же президента об Англии во многом базировались на клише «у Англии нет постоянных союзников, есть постоянные интересы», «Англия заинтересована в отсутствии мира на континенте», «Англия – нация торговцев, предпочитающих деньгами и подкупом приобрести преимущество»⁴⁹.

Вторым фактором было заключение президента, что не вступление в Лигу Наций является залогом будущих неудач Германии на международной арене (возможные последствия, как полагал Гинденбург, еще предстоит анализировать), а та поспешность, с которой было принято это решение. Президент считал, что Г. Штресман в вопросе о Лиге Наций находился в плену собственных заблуждений – он думал, что вступление является инициативой Германии и лично его, тогда как эта мысль была искусно внушена министру иностранной дипломатией. Г. Штресман покупал «кота в мешке». П. фон Гинденбург же настаивал, чтобы *перед* формальным вступлением Веймарской республики в Лигу Наций, были четко прояснены следующие вопросы.

1. Необходимо отсутствие связи между членством в Лиге и признанием существующих границ. Иначе ревизия Версальского договора станет практически невозможной.

2. Прояснение обязательств Германии в соответствии со статьей 16 Версальского договора, дающей право государствам вмешиваться в суверенитет другого государства, если его действия будут угрожать международной стабильности.

3. Возможная ликвидация статьи 213 Версальского договора, которая давала полномочия Совету Лиги путем простого большинства голосов совершать мероприятия против Германии.

4. Проблема разоружения в соответствии со статьей 8 Устава Лиги⁵⁰.

В целом же концепт Гинденбурга базировался на убеждении, что заключение любого договора (неважно, на каких условиях), в рамках Версальской системы межгосударственных отношений будет являться подтверждением этой системы и,

более того, выражением согласия Германии с ее принижением статусом и отказа от возможной ревизии. Если же перенестись из морально-этической области в область практической политики, то это означало добровольную потерю Веймарской республикой даже той ничтожной части суверенитета, которая предоставлялась ей международным правом, «петлю на горло»⁵¹. Любое действие, направленное Германией на защиту собственных «естественных» интересов, как считал президент, являлось и покушением на интересы ведущих государств Лиги – Франции, Англии и других, и должно было повлечь за собой немедленное сопротивление. Само по себе вхождение Германии в международный концерт не было чем-то плохим. В то же время П. фон Гинденбург желал видеть Веймарскую республику в этом концерте в ранге равноправного государства и великой державы. Инициатива должна была исходить от Германии и должна была последовать лишь тогда, когда мировое сообщество было бы готово к ревизии, попытка же, сделанная осенью 1925 г., как заявил президент в феврале 1926 г., несвоевременна. Хотя соображения П. фон Гинденбурга и не остались без внимания, решающего влияния на развитие локальной политики он так и не оказал.

Его внешнеполитический концепт в полной мере раскрылся на восточном направлении, в ходе германо-советских взаимоотношений 1926 г. Основной идеей президента в новых локальных условиях стало наличие тесных взаимоотношений с Советским Союзом как «внеблокового» фактора и, в том числе, как средства давления на державы Антанты и возможность продемонстрировать, что, заключив Локарнский пакт, Германия, тем не менее, не отказывается от прежних ревизионистских целей.

Парадоксальным образом П. фон Гинденбург усматривал как негативное, так и позитивное влияние Локарно на развитие советско-германских взаимоотношений. С одной стороны, явно отрицательное воздействие на отношения Германии и СССР имело решение о вступлении Германии в Лигу Наций. Этот шаг, как считал президент, в какой-то мере отбрасывал Советский Союз в период до 1922 г., период изоляции. А это содержало опасность того, что большевики могут начать искать другие способы преодоления изоляции, например, с помощью Франции⁵². С другой стороны, опасения Советского Союза потерять наиболее перспективного партнера в Европе должны были, по мысли П. фон Гинденбурга, облегчить сближение⁵³. Одновременно частично развеивались опасения президента об утере Веймарской республикой ее особого статуса в международном сообществе, функции «моста» между капиталистическим Западом и большевистским Востоком. Статус этот давал Германии моральное право (политические права были устранены Версальским договором) требовать определенных

преференций от Антанты и, играя на дихотомии страха перед большевизмом и желания торговать с ним, медленно, но уверенно продвигаться по пути ревизии.

П. фон Гинденбург придавал большое значение Берлинскому договору. В беседе с секретарем рейхсканцелярии Г. Пюндером он сказал следующее: «Знаете, что мне больше всего понравилось в Локарно? Это Берлинский договор. Эта договоренность с русскими очень важна, мы имеем свободный доступ к Востоку, и в первую очередь наш юный рейхсвер имеет теперь совсем другие возможности для развития»⁵⁴. Вообще президент, хотя и был фельдмаршалом, не ставил развитие своей внешнеполитической концепции на Востоке в зависимость от военно-технической кооперации с Советским Союзом. Он считал это обстоятельство полезным и обоюдовыгодным для Берлина и Москвы, но находящимся в ряду не менее важных факторов, как-то: политический союз и экономическое взаимодействие.

В дальнейшем П. фон Гинденбург продолжал считать советское внешнеполитическое направление зоной своего особого внимания. Предоставив Г. Штреземану в общем и целом определять отношения Германии с остальной Европой и США, президент создал некий тандем с У. Брокдорфом-Ранцау, активно используя особый статус московского посла и возможность прямого контакта и переписки, минуя МИД. Но следует заметить, что тандем Гинденбург – Ранцау в 1927–1928 гг. уступил инициативу, проигрывая Штреземану и его окружению как в мобильности и реалистичности своего концепта (многие его положения проистекали еще из долокарнских идей посла и президента), так и в степени (но не в возможностях) своего влияния на Рейхстаг и кабинет министров.

Понятное желание министра иностранных дел контролировать внешнюю политику Веймарской республики и стремление президента сделать ее советское направление собственным доменом нашли наиболее яркое отражение в так называемой «битве за московский пост», конфликте между Гинденбургом и Штреземаном по поводу кандидатуры нового посла Германии в СССР после смерти У. Брокдорфа-Ранцау в сентябре 1928 года. Г. Штреземан и его окружение, в частности госсекретарь К. фон Шуберт, остановились на кандидатуре У. Раушера, посланника в Варшаве, принятой в штыки советской стороной из-за социал-демократических убеждений самого Раушера. Президент предложил в качестве кандидата Р. Надольны.

Для Гинденбурга было очевидно, что новый посол в Москве должен не только обладать специальными знаниями (Надольны считался одним из лучших специалистов по России еще со времен кайзеровской Германии), но и не быть связанным дипломатическим прошлым с какой-то другой восточноевропейской страной, тем более Польшей⁵⁵. Поддерживал Р. Надольны и

его личный друг О. Майсснер. Когда конфликт зашел в тупик, Гинденбург предложил компромисс. По свидетельству К. Шуберта, Гинденбург заявил следующее: «Если он не хочет господина Раушера, и если мы не хотели бы господина Надольны [видеть в качестве посла], то мы должны придумать новую кандидатуру, которая так же, как и до этого [Ранцау] будет вести политику относительно России..., в том числе и конфиденциальную работу»⁵⁶. Компромиссной фигурой стал директор Восточного отдела Х. фон Дирксен, что, в конце концов, стало очком в пользу президента, так как Дирксен проявил себя настоящим преемником буквы и духа политики У. Брокдорфа-Ранцау.

В период Великой депрессии, когда наблюдалась стагнация не только в советско-германских отношениях, но и в общем течении мировой политики, Гинденбург несколько дистанцировался от внешней политики. Г. Цаун называет президента в период заката Веймарской республики «пассивным действующим лицом немецкой политики»⁵⁷.

Тем не менее, Гинденбург благожелательно относился к тем ревизионистским идеям, которые стали основой внешнеполитических программ в кабинетах Брюнинга, Папена и Шляйхера, что дало право пацифисту и либералу Рудольфу Ольдену охарактеризовать идеи Гинденбурга как «никакого государства – только казарма», «кадет всегда кадет» и «генерал-фельдмаршал ведет нас в Третий рейх»⁵⁸.

Может показаться парадоксальным, что ни одного видного внешнеполитического идеолога не появилось в рейхсканцелярии. Ни государственный секретарь О. Майсснер, ни государственный секретарь Г. Пюндер, весьма значительные фигуры на веймарском политическом небосклоне, не создали самостоятельных внешнеполитических стратегий. Ответ на это дал Х. Лютер в статье «Чиновники или политики?», помещенной в сборник, посвященный пятидесятилетию Отто Майсснера. По мысли Лютера (очевидно, что это было одновременно и кредо рейхсканцелярии), президент нуждается в помощниках, которые досконально знают, как «обращаться с вещами и людьми и... чувствуют общую жизнь государства». Но еще более важно, чтобы сотрудники канцелярии «не отягощали» собственным мнением идеи руководителя, были частями механизма⁵⁹.

Понимал это и сам О. Майсснер, бывший бессменным секретарем при таких абсолютно разных в воззрениях и политической практике президентах, как Эберт, Гинденбург и Гитлер и с одинаковым бесстрашием описывавший итоги конференций и в Рапалло, и в Локарно, и в Берлине, и в Лозанне, понимал и Г. Пюндер, даже в дневнике не выражавший откровенного отношения к политике президента или канцлера⁶⁰.

Два президента Веймарской республики были совершенно не похожими людьми. Если Ф. Эберт в своих внешнеполитических измышлениях руко-

водствовался в основном идеологическими установками СДПГ, в том числе и антибольшевистскими идеями, то П. фон Гинденбург был более прагматичен. Второй президент не собирался лишаться тех внешнеполитических выгод, которые сулили тесные отношения с большевиками в угоду тому негативному восприятию Советского Союза, которое присутствовало и у него. В результате П. фон Гинденбург создал концепцию, основными моментами которой являлись стимулирование военно-технической кооперации и политический союз, направленный на снижение влияния Франции в поясе государств Малой Антанты. Конечной целью должны были стать ревизия восточных границ (раздел Польши) и отмена ограничительных статей Версальского договора.

Примечания

- 1 *Meissner O.* Staatssekretär unter Ebert – Hindenburg – Hitler. Der Schicksalsweg des deutschen Volkes von 1918–1945, wie ich ihn erlebte. Hamburg, 1950. S. 44.
- 2 См.: *Feucht S.* Die Haltung der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zur Außenpolitik während der Weimarer Republik. Berlin, 1998. S. 13.
- 3 Ibid. S. 67.
- 4 *Rathenau W.* Was wird werden? Berlin, 1920. S. 36.
- 5 Цит. по: *O'Sullivan D.* Furcht und Faszination: deutsche und britische Russlandbilder; 1921–1933. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 267–268.
- 6 См. подробнее: *Linke H.G.* Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatic und Kriegsriele 1914–1917. München, 1982. S. 136.
- 7 *Boetticher F.* v. So war es. Berlin, 1952. S. 143–144.
- 8 Дружеское или уважительное отношение двух персоналий друг к другу отмечали В. Д'Абернон, О. Майсснер, О. Гесслер, В. фон Райнбабен. См. подробнее: *D'Abernon V.* Ein Botschafter eib der Zeitwende. 3 Bde. Leipzig, 1929–1931. В. II. S. 314; *Meissner O.* Op. cit. S. 146; *Geler O.* Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958. S. 288; *Reinbaben W.* v. Viermal Deutschland. Berlin, 1954. S. 168.
- 9 Даже его помощник, госсекретарь О. Майсснер считал его не слишком опытным политиком: *Meissner O.* Op. cit. S. 147; об этом же упоминал и Гинденбург: *Vogel H.* Erlebnisse und Gespräche mit Hindenburg. Berlin, 1935. S. 7–8.
- 10 См.: *Dorpalen A.* Hindenburg and the Weimar Republic. Princeton, 1964. P. 64–75.
- 11 См.: *Craig G.* Germany 1866–1945. N.Y., 1978. P. 510–511; *Cary N.D.* The Making of the Reich President, 1925: German Conservatism and the Nomination of Paul von Hindenburg // Central European History. 1990. № 1. P. 179–204.
- 12 *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. Aus deb Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsident von 1878 bis 1934. Göttingen, 1966. S. 73–75; *Fritzsche P.* Presidential Victory and Popular Festivity in Weimar Germany: Hindenburg's 1925 Election // Central European History. 1990. № 1. P. 205–224; *Zaun H.* Paul von Hindenburg und die deutsche Außenpolitik: 1925–1934. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 184–188.
- 13 См. подробнее: *Falter J.W.* The Two Hindenburg Elections of 1925 and 1932: A Total Reversal of Voter Coalitions // Central European History. 1990. № 1. P. 225–241; *Hubatsch W.* Op. cit. S. 75–76.
- 14 *Deutsche Allgemein Zeitung.* 12.04.1925. № 172. S. 1.
- 15 *Zaun H.* Op. cit. S. 173.
- 16 См.: *Sendler B.* Die Führung in der Koalitions – und Präsidialkabinetten der Weimares Repablik. Berlin, 1999. S. 654.
- 17 *Schulenburg D.* v. Welt um Hindenburg. Hundert Gespräche mit Berufenen. Berlin, 1935. S. 68.
- 18 Довольно часто встречающаяся в риторике Гинденбурга идеологема. См.: *Pünder H.* Von Preussen nach Europa. Lebenseinnerungen. Stuttgart, 1968. S. 81.
- 19 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 179–180.
- 20 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 181.
- 21 В то же время А. Бернар, ближайший помощник министра, писал, что «между Гинденбургом и Штреземаном часто бывали разногласия по поводу персональной политики МИД» (*Bernard H.* Aufzeichnungen und Betrachtungen. Stuttgart, 1947. S. 26).
- 22 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 182.
- 23 См.: *Helbig H.* Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958. S. 139; Hindenburg an Stresemann betr. Immediatvortrag Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // Hindenburg und der Staat... № 36. S. 220–221; Aufzeichnung des Botschafters in Moskau Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее PA AA). NL Brockdorff-Rantzau. AZ 38. H. 224024-027.
- 24 Tagebuchnotizen von G. Stresemann, 19.05.1925 // *Stresemann G.* Vermächtnis. В. II. S. 60.
- 25 См. например: Hindenburgs Stellungnahme zum 9. November 1918, 16.04.1919 // Hindenburg und der Staat... № 25. S. 183–187.
- 26 Protokoll der Sitzung des Ministerrats beim Reichspräsidenten, 17.11.1925 // Akten der Reichskanzlei. Kabinette Luther I und II. В. II. № 226. S. 871.
- 27 Hindenburg an Admiral Schröder, 04.11.1929 // Hindenburg und der Staat... № 68. S. 294–295.
- 28 См.: *Görlitz W.* Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953. S. 306.
- 29 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 189; *Görlitz W.* Op. cit. S. 269.
- 30 Hindenburg an den Reichskanzler Marx, 30.11.1926 // Hindenburg und der Staat... № 48. S. 247.
- 31 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 189.
- 32 Ibid. S. 191.
- 33 *Hubatsch W.* Op. cit. S. 17, 28.
- 34 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 191.
- 35 *Heuss T.* Erinnerungen 1905–1933. Tübingen, 1963. S. 331.
- 36 См.: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 28–29.
- 37 *Hindenburg P.*v. Aus meinem Leben. Leipzig, 1934. S. 189.
- 38 Ibid. S. 66–67.
- 39 «Мы прикроем старые немецкие земли от нового врага,

- большевизма, который угрожает культурному миру» (Hindenburgs Aufruf zum Ostschutz, 14.12.1919 // Hindenburg und der Staat... № 23. S. 182).
- 40 Schreiben Reichspräsidenten von Hindenburg an den Botschafter in Moskau Brockdorff-Rantzau, 14.07.1926 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. AZ 38. H. 224037.
- 41 Ibid. H. 224054.
- 42 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 283–284.
- 43 См.: *Eschenburg T.* Chronik eines Richtlinienstreites zwischen der Reichkanzler Luther und dem Reichminister des Auswärtigen Stresemann. Berlin, 1988. S. 243.
- 44 См.: *Zaun H.* Op. cit. S. 404.
- 45 См. подробнее: *Wallsdorff M.* Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971. S. 34; *Scheidemann C.* Ulrich Graf von Brockdorff-Rantzau (1869–1928): eien politische Biographic. Berlin, 1998. S. 20–21.
- 46 См.: Aufzeichnung des Botschafters in Moskau Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. AZ. 38. H. 224024–027.
- 47 Hindenburg an Stresemann betr. Immediatvortrag Brockdorff-Rantzau, 28.11.1925... S. 219.
- 48 *Hindenburg P.v.* Aus meinem Leben... S. 44.
- 49 См. подробнее: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 29–30.
- 50 Zusammenstellung der persönlichen Schreiben des Reichspräsidenten an den Reichskanzler mit der Stellungnahme zum Locarnovertrag und Völkerbund // *Hindenburg und der Staat...* S. 220–224.
- 51 Ministerialdirektor Pünder an den Staatssekretär Kempner, 12.10.1925 // Akten der Reichskanzlei. Kabinette Luther I. und II. B. II. № 183. S. 722.
- 52 Schreiben Reichspräsidenten von Hindenburg an den deutschen Botschafter in Moskau Brockdorff-Rantzau, 14.07.1926 // PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. Az. 38. H. 224054.
- 53 Ibid.
- 54 *Pünder H.* Von Preussen nach Europa... S. 81.
- 55 Цит. по: *Zaun H.* Op. cit. S. 322–323.
- 56 Der Staatssekretär des Auswärtigen Amts von Schubert an den Reichsminister des Auswärtigen Stresemann (z. Z. Baden-Baden), 12.10.1928 // ADAP. Serie B. B. X. № 63. S. 172.
- 57 *Zaun H.* Op. cit. S. 497.
- 58 *Olden R.* Hindenburg oder der Geist der preussischen Armee. Paris, 1935. S. 44, 59, 324.
- 59 *Luther H.* Beamter oder Politiker? // *Otto Meissner.* Beiträge. Gewidmet zum fünfzigsten Geburtstage 13. März 1930. Berlin, 1930. S. 93.
- 60 *Meissner O.* Staatssekretär... S. 102–104, 150–159, 203–205; *Pünder H.* Politik in der Reichskanzlei. Aufzeichnungen aus den Jahren 1929–1932 / Hrsg. von T. Vogelsang. Stuttgart, 1963.